

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
Исторический факультет

П.А.ЗАЙОНЧКОВСКИЙ

1904 — 1983 гг.

СТАТЬИ, ПУБЛИКАЦИИ и ВОСПОМИНАНИЯ О НЕМ

Москва
РОССПЭН
1998

Д.Байрау

Бахус в России

Догадаться, о чем пойдет речь, нетрудно, но вот вопрос — применима ли сама метафора «Бахус», когда мы говорим о русском пристрастии к водке. Однако, если учесть, что Бахус давно покинул свой античный контекст и сам Пушкин, национальный русский поэт, посвятил ему оду, сделав его, таким образом, достоянием России, название представляется вполне уместным. И еще: пусть этот обрусевший Вакх кажется порой грубым и неотесанным, но и античному Бахусу приходилось поначалу бесчинствовать на периферии утонченной греческой цивилизации.

Многие светлые и темные стороны социальной жизни раскрываются через культуру пития. Можно было бы многое сказать о Бахусе, насильно переодетом в военный мундир, Бахусе, который буйствует каждый раз во время войн и вооруженных конфликтов, но который редко становится предметом научного анализа[1]. Однако в этой статье в центре внимания находятся иные аспекты проблемы: «похмельный экскурс» по периодам алкогольных запретов в России; пьянство как государственная повинность, пропинация и Бахус в зеркале юдофобии; Бахус в оковах статистики; как он проникает в среду элиты и в то же время вполне уютно чувствует себя в народной культуре; и, наконец, как он, пройдя шаткой походкой этап развитого социализма, направился не к коммунизму, а совсем в другую сторону.

Чтобы как-то обозначить границы темы, которую я не берусь исчерпать, позволю себе пространную цитату из книги Андрея Синявского: «Пьянство — наш коренной национальный порок... Не с нужды и не с горя пьет русский народ, а по извечной потребности в чудесном и чрезвычайном, пьет, если угодно, мистически, стремясь вывести душу из земного равновесия и вернуть ее в блаженное бестелесное состояние. Водка — белая магия русского мужика; ее он решительно предпочитает черной магии — женскому полу. Дамский угодник, любовник перенимает черты иноземца, немца (черт у Гоголя), француза, еврея. Мы же, русские, за бутылку очищенной отдадим любую красавицу... В сочетании с вороватостью (от-

сутствие прочной веры в реально-предметные связи) пьянство нам сообщает босяцкую развязность и ставит среди других народов в подозрительное положение люмпена... От нас, как от вора, как от пропойцы, можно ждать чего угодно. Нами легко помыкать, управлять административными мерами (пьяный — инертен, не способен к самоуправлению, тащится куда тянут). И одновременно — как трудно управиться с этим шатким народом, как тяжело с нами приходится нашим администраторам!»[2]

Склонность русских к чрезмерному пьянству, о чем Синявский пишет с иронией, другим авторам дает повод для безапелляционных выводов об особенностях русского характера. Стремление к «бродяжьей вольнице», которое выявляется в пьянке, свидетельствует о почти генетическом недостатке социальной дисциплины и аккуратности, о неспособности к построению гражданского общества. Иногда кажется, что Россия то испытывает опьянение силой Прометея, то скатывается к безудержной анархии[3].

Похмельный экскурс

Приверженцы подобной концепции российской истории могли бы в подтверждение привести следующий аргумент: плохо приходится в России тем государям и руководителям, которые вместо того, чтобы обогащаться на жажде народа, лишали его удовольствия пития. Ряд неудачников открывает Борис Годунов, который ввиду неурожая приказал ограничить производство алкоголя[4]. Его примеру в XVII столетии последовал патриарх Никон, человек с самосознанием римского папы. Он выступал против всевозможных языческих и пришедших из Польши дурных привычек, пытался в том числе ограничить и потребление водки — по крайней мере во время постов и больших церковных праздников[5]. К подобной же практике вынужден был прибегнуть и Николай II в начале Первой мировой войны и ввел в стране сухой закон, несмотря на то что порция водки всегда служила для солдат определенным стимулом. Некоторые наблюдатели всерьез полагали, что главной причиной революции был именно сухой закон. Государство вынуждено было пойти по пути компенсации налоговых потерь, вызванных запретом на алкоголь, что вызвало естественное недовольство населения.

И действительно, никакие другие налоги не «проглатываются» столь охотно, как налог на спиртное. Кроме того, лозунг классовой борьбы становился более действенным, подкрепленный аргументом вроде следующего: «Мы пьем сырую воду, а

Николай пьет вино!»[6] Ленин, весьма решительно настроенный против пьянства, в этом вопросе был готов последовать за своим классовым врагом. Революционерам вскоре пришлось услышать упрек и в свой адрес: власть пьянствует, а нам не позволяют варить самогон[7]. Большевики, однако, были достаточно искушенными в тактических вопросах людьми, чтобы скоро отказаться от борьбы с потребностями не желающего отмирать государства и с неискоренимой в народе жаждой пития. Ленин, таким образом, остался исключением.

Горбачев, напротив, подтвердил правило. Однако его антиалкогольная кампания не имела большого успеха. Даже если бы она и удалась[8], все равно опьянение свободой было тогда сильнее алкогольного похмелья. Последующая ситуация демонстрирует парадоксальные варианты: с одной стороны — президент, который время от времени подвержен чрезмерным возлияниям (что первоначально в известном смысле даже импонировало), с другой — подозрительно трезвая мафия, под контролем которой алкогольное море Европейского союза перетекает на русскую равнину.

Однако вернемся к существу вопроса. Если обратиться ко всей обширной литературе, посвященной культуре пития и проблеме алкоголизма у различных народов, то обнаружится, что многие факторы, которые русские и нерусские считали своим национальным достоянием, имеют интернациональные аналоги. Широкая палитра взглядов, отражающих поиски смысла в алкогольном пристрастии, начинается со ссылки на сакральные обрядовые формы общественной жизни, тягу к общению и заканчиваются описанием современных разновидностей наркомании. Потребление алкоголя рассматривается почти всегда под антропологическим углом: он устраняет преграды и снимает напряжение, разрешает проблемы, облегчает общение в кругу друзей и знакомых, служит доказательством мужественности и зрелости. С его помощью, хотя это и не вполне приятно, можно добиться «правды» — согласно известной русской пословице: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке[9].

Потребление спиртного регулируется различным образом, исходя из социальных и национальных традиций. Что касается Европы, то на противоположных полюсах здесь могли бы быть представлены, с одной стороны, ирландцы, для которых характерен весьма высокий уровень потребления алкоголя, с другой стороны — те из правоверных евреев, которые пьют вино только по религиозным праздникам, и то в очень умеренном количестве. Надо иметь в виду, что уровень потребления алкоголя различен не только внутри различных групп населения, социальных слоев, но изменяется у отдельных народов в течение столетий.

В XVI в. Мартин Лютер говорил о «немецком дьяволе пьянства», а его ученый соратник Меланхтон по этому поводу сетовал: «Мы, немцы, допьемся до нищеты, допьемся до болезней, допьемся до преисподней». При дворах и в хорошем обществе были приняты соревнования «кто больше выпьет». Тот, кто первым оказывался под столом, считался побежденным[10].

Считается все же, что в Центральной Европе, в отличие от России, водка никогда не играла доминирующей роли в структуре потребления алкоголя. Но возможно, мы просто заблуждаемся насчет русских алкогольных пристрастий: ведь русский вариант крепкого напитка, водка, начиная с XVI в. считался наиболее предпочтительным объектом налогообложения, и поэтому именно его уровень потребления относительно хорошо отражен в документах. Что же касается потребления других, тоже довольно распространенных напитков, таких как медовуха, пиво, квас, мы знаем об этом значительно меньше.

В Германии до- и раннеиндустриального периода говорили о «винной чуме», распространенной среди пауперизированных классов[11]. А в конце XIX в. один французский ученый жаловался: «Весь мир преклоняется перед алкоголем: одни — потому что им живут, другие — потому что от него умирают. Он имеет веское слово на выборах, он водит хороводы во время мятежей, и пожар гражданской войны разгорается не без его помощи»[12]. Близкие чувства испытывали и русские борцы против пьянства на рубеже XIX—XX вв.[13].

Бахус в оковах статистики

Несмотря на то, что в Российской империи потребление водки измерялось «ведрами», к удивлению специалистов, в 1900 г. обнаружилось, что общий уровень потребления алкоголя в России не был столь высок, как принято было считать. Потребление спиртного (по всем видам алкогольной продукции) на душу населения выше всего было во Франции — от 15 до 16 литров, Россия существенно отставала от нее со своей душевой нормой от 3 до 5 литров, опережая лишь скандинавские страны, в которых действовал жесткий контроль за потреблением алкоголя[14].

До конца 40-х годов нынешнего столетия уровень потребления алкоголя в Советском Союзе едва достигал показателей кануна 1914 г. Только вслед за послевоенным восстановлением, с середины 50-х годов начался значительный скачок в потреблении спиртного. Чем выше был этот уровень, тем более старательно советская статистика скрывала Бахуса. Данные статистических справочников, без устали восхвалявших достижения советской эпохи путем сравнения ее с дореволюционным

временем, в случае с алкоголем ограничивались сведениями о производстве пива и шампанского. Себе и миру демонстрировался красивый фасад, тогда как на задворках творились совсем дикие вещи.

Но даже если бы советская статистика была более достоверной, существует и другая проблема. В течение нескольких десятилетий — от официального запрета на алкоголь в Первую мировую войну до конца советской эпохи — прочные позиции в структуре потребления спиртного занял самогон, сначала преимущественно в деревне, а затем и в городах. Его доля по различным оценкам составляла от 20 до 40%[15].

За период с 50-х до 80-х годов потребление водки удвоилось (по другим оценкам — утроилось), одновременно рос уровень потребления легких алкогольных напитков, прежде всего пива. Доля 30- и 40-градусной водки оставалась при этом, как и прежде, весьма высокой[16]. Впечатляющий рост потребления спиртного можно объяснить как общим увеличением объемов потребления (вследствие повышения уровня жизни населения), так и вовлечением в этот процесс новых слоев[17]. Если справедливы неофициальные оценки, то по потреблению алкоголя на душу населения российская часть Советского Союза действительно вышла на первое место в мире[18]. Число больных алкоголизмом, по международным меркам, было также очень велико: в 1990 г. медицинские учреждения признали в качестве страдающих алкоголизмом 4,5% трудоспособных мужчин. Их реальное число было, по-видимому, по крайней мере в два раза больше[19]. В данном случае перед нами еще она вершина — наряду с производством вооружений и полетами в космос, — которую социализм покорил в мировом соперничестве двух систем. В соревновании по пьянству даже американцы вынуждены были сдаться и выбросить белый флаг[20].

В период политического и экономического кризиса, обозначившегося с конца 70-х годов, стало неоспоримо ясно, что Советский Союз лишь наверстывает процессы, которые в виде тенденции существовали и в других индустриальных странах, где эти процессы, однако, благодаря иной культуре пития развивались не столь стремительно и драматично: увеличение доли страдающих алкоголизмом среди всех категорий больных[21], абсолютное и относительное увеличение больных алкоголизмом женщин[22] и — что представляет собой, возможно, именно русскую особенность — чрезвычайно высокая доля разводов, причиной которых являлось пьянство[23].

Кроме того, пьянство несет свою долю ответственности за высокий уровень смертности, особенно среди мужчин: по этой причине происходит свыше 50% несчастных случаев со смертельным исходом на производстве и на дорогах, а также 50% всех смертей в результате тяжких телесных повреждений — и это по приблизительным оценкам[24]. Уже в дореволюционном Петербурге криминалу на почве алкоголя принадлежала ведущая роль среди всех преступлений. Аналогичная ситуация в 20-е годы сложилась и в деревне[25]. Точные статистические сравнения — будь то с предшествующим периодом или с международным опытом — могли бы предоставить соответствующие объяснения приведенным выше цифрам. В литературе, по понятным причинам, они объясняются почти исключительно последствиями экономического и политического кризиса в СССР, как будто нельзя представить себе иной реакции на кризисные явления, кроме пьянства.

Пьянство как государственная повинность

Со времени распространения водки в России, т.е. с XVI в., русский государь неизменно устремлял вожделенный взор на пристрастие своего народа к спиртному. По его приказу купцы открывали трактиры, во избежание потерь от выгодного предприятия предварительно заплатив в казну[26]. Екатерина II в 1767 г. ввела откуп на продажу спиртного — порочную практику, позволяющую немногим откупщикам делать большие состояния, а многочисленным чиновникам получать таким образом «непорочные доходы». В ходе реформ Александра II откуп был заменен более рациональным и менее побуждающим к коррупции акцизом. Это повлекло за собой рост не только производства и потребления дешевой водки, но и налоговых сборов. Введением в середине 1890-х годов государственной монополии на производство и продажу водки государство попыталось разрешить проблему квадратуры круга: идя навстречу все более критически настроенной общественности, положить конец распространению «водочной заразы», которая считалась социально дестабилизирующим фактором, но одновременно увеличить доходы казны от производства и продажи алкоголя. Если верить статистике, задача квадратуры круга если и была разрешена, то как бы «во хмелю». Если доля доходов от алкоголя в общей структуре государственных поступлений в 1890 г. снизилась на 20%, то уже в последующие годы она снова поднялась на впечатляющую цифру — 30% в условиях и без того существенного роста государственного бюджета. Правда, одновременно, как говорят, потребление водки на душу населения уменьшилось[27].

Кабак, кружечный двор, трактир или шинок оставались, как и прежде, тем пунктом, где встречались, с одной стороны, жадность государства до кошельков своих граждан, а с другой стороны — жажда пития народа. В кабаке элемент общения, ко-

торому всегда способствует потребление спиртного, уступал место просто выпивке, а то и пьянству. Трактир становится прибежищем почти исключительно мужской радости пития, пьянства, в лучшем случае — чисто мужского общения, а также местом, где разыгрывались всевозможные драмы и совершались преступления — словом, притоном низких и вульгарных пороков, против которых так резко выступают апостолы трезвости.

И тем не менее, именно эти убогие заведения находились под особой протекцией государей. «Понеже питейная продажа есть издревле короне принадлежащая регалия, — говорилось в указе Екатерины II от 1 августа 1765 г., — ...и сохранение оной есть тем большей важности, что тем избегаются всякие другие тягостнейшие налоги; то и обнадеживаем Мы будущим откупщиков, когда они поверяемый им сей казенный торг исправно, честно и порядочно вести будут, Нашим Монаршим покровительством, повелевая питейную продажу именовать и почитать казенною, а откупщиков во время их откупу коронными поверенными служителями, и дозволяя им для того носить шпаги»[28]. Это означало, что откупщики, в числе которых были в основном представители купеческого сословия, таким образом почти приравнивались к дворянству. «Питейный дом» — таково было теперь новое название заведения — был поставлен под особый надзор и отмечен государственным гербом. Пьянство становилось в известном смысле государственной повинностью[29].

Если казна и откупщики заходили слишком далеко, случались беспорядки и бунты. В этом смысле кабак для русских крестьян и мещан был тем же, чем были булочные для menu peuple во Франции XVII и XVIII веков. Уже в 1578—1579 гг. московский люд громил винокурни и пивоварни в Немецкой Слободе, поскольку обосновавшиеся там ливонцы получили привилегии на производство вина и пива, в которых Иван отказал своим соотечественникам[30]. Бунты 1648 г. в Москве и других местах были вызваны злоупотреблениями не только в торговле солью, но и спиртным[31]. Наконец, против участников трезвенного движения в 1858—1859 гг., которое советскими историками квалифицировалось как антифеодальная классовая борьба[32], власти вынуждены были применить войска[33]. Александр Герцен прокомментировал это событие не без ехидства: «Бедное войско, бедные офицеры, мало было им защищать трон и алтарь, помещичьи розги и чиновничий разбой — пришлось теперь защищать кабак с его штофной и распивочной продажей. Уже не дадут ли им потом ведерные кавалерии через плечо, полуштофные крестики в петлицу, а нижним чинам ме-

дали с изображением голубя, сходящего на откупоренный штоф, и с надписью: Spiritus sanctus — spiriti vini!»[34]

Бахус в зеркале юдофобии

Если до сих пор речь шла о России как о едином целом, то теперь настало время представить более дифференцированную картину. Производство и торговля алкогольными напитками до 1863 г. в западных областях, т.е. на территории, ранее входившей в Речь Посполитую, а также в Новороссии было организовано несколько иначе, чем в Центральной России. Несмотря на изменения законодательства после присоединения этих областей к России, здесь сохраняли свою силу традиции шляхты. Это касалось прежде всего фактической монополии дворянства на производство и торговлю спиртным вне городов[35]. Представители благородного сословия сами, как правило, этим не занимались, а винокурни, пивоварни, мельницы и трактиры сдавались в аренду, преимущественно евреям. В качестве посредников между зависимыми крестьянами, дворянством и внешним миром евреи заняли здесь место, аналогичное тому, что в Российском Центре принадлежало содержателям трактиров, кулакам и торговцам. В результате реформы польского законодательства 1760-х годов, которая предоставила магистратам коронных городов право решать вопрос об изгнании или неизгнании евреев, число евреев, проживающих в сельской местности и в частновладельческих городах, к 1800 г., возросло и составило около двух третей всего еврейского населения[36]. Примерно 60—70% этих проживающих в сельской местности евреев были втянуты в систему довольно сложных арендных отношений, в которой через различные виды экономической деятельности проявлялись фактические монопольные права шляхты. В качестве арендаторов евреи доминировали в том числе в производстве и продаже алкоголя[37].

Экономические интересы обеих групп, реализуемые через систему пропинации и арендных прав, обусловили то, что до 1863 г. в западных областях и Новороссии сеть трактиров была более густой и уровень потребления спиртного был выше, чем в Центральной России. Поскольку водка здесь была дешевле, чем в подчиненных винной монополии губерниях Центра, процветала контрабанда, которой занимались преимущественно те же евреи. Сильные позиции шляхты приводили к тому, что казна имела в западных областях, несмотря на более высокий уровень потребления спиртного, гораздо меньше доходов, чем в Центре[38], — с точки зрения чужеземного господства пример весьма интересный. В городах бывших польских областей еще

Екатериной II был введен винный откуп по примеру России. Началась жесткая конкуренция между еврейским и православным купечеством за овладение этим источником дохода. Это послужило одной из причин отказа городов признать равноправный статус евреев, вопреки намерениям Екатерины II[39].

В Царстве Польском, где господствовала богатейшая аристократия, после 1818 г. согласно решению Сейма началось беспощадное изгнание евреев из сельской местности обратно в города, поскольку шляхта считала теперь для себя невыгодным делить с евреями свои доходы[40]. Однако борьба с сельскими евреями-арендаторами, особенно с арендаторами и хозяевами трактиров, в западных областях продолжалась вплоть до введения в 1890-е годы алкогольной монополии. Нельзя при этом не учитывать антисемитского аспекта всей кампании; около 200000 трактирщиков-евреев лишились к этому времени своего дела, причем в предшествующие десятилетия им пришлось пережить несколько периодов гонений[41].

«...Еврей не только содержит кабак, но и торгует всеми товарами, которые нужны крестьянину. Оказывается, что еврей не только является кредитором почти всех крестьян в округе, но и обладает закладным правом в сущности на все, что произрастает на полях. Ходят слухи, что крестьянин на своей земле работает уже не только на самого себя, но и на еврея, и что награда за этот труд — лишь привилегия простого выживания...»[42]. Отношения задолженности и зависимости украинских и белорусских крестьян вряд ли сильно отличались от тех же отношений, в которых находилось русское крестьянство Центра, однако помимо прочего это была зависимость от «инородцев» — фактор, который использовался для разжигания ненависти, прежде всего администрацией. Еще в те времена, когда шляхта — до и после 1793 г. — безраздельно господствовала над крестьянами и евреями, польские дворяне и чиновники вместе с русским чиновничеством сетовали по поводу эксплуатации крестьян со стороны евреев, хотя последние лишь исполняли волю дворянства. Получалось, что именно евреи повинны в бедности и пьянстве крестьян, особенно когда случались неурожаи и голод[43].

Начиная с разделов Польши и вплоть до крушения Российской Империи в господствующих кругах как на местах, так и в Петербурге сохранялся стереотип, что евреев необходимо изгонять из сельской местности и как можно дальше держать от крестьян. Крестьянин, как и русский человек вообще, не может противостоять коварству и чувству превосходства евреев[44]. Однако подозрительно, что эта мнимая любовь к мужику (мужикофильство) просыпалась в чиновничестве и дворянстве

лишь тогда, когда они выступали против евреев. С точки же зрения крестьян, налоги и выплаты, налагаемые чиновниками и дворянами, были ничуть не лучше, чем зависимость от евреев-кредиторов. Это проявилось в реакции крестьянства на октябрьский Манифест 1905 г.: он был в основном понят как воля царя к освобождению народа из «когтей» дворян, евреев и студентов-революционеров, будто бы сговорившихся не давать крестьянину землю, которую ему хотел даровать царь[45].

Было бы неверно утверждать, что в волне погромов 1881—1882 гг. трактирщик в деревне или городе являлся одним из главных объектов агрессии. Какую роль играл алкоголь в этих вспышках насилия, которые хотя и подогревались антисемитской прессой, но в строгом смысле не управлялись властями, как утверждается в литературе? Примечательно, что эпицентр погромов 1881—1882 гг. пришелся на украинские области, которые в наибольшей степени были затронуты процессом аграрной модернизации и индустриализацией отдельных регионов. Инициаторами погромов редко выступали крестьяне, но в основном — отходники, городские низшие и средние слои, еще не вполне социально оформленный слой фабричных рабочих. Представители буржуазии и интеллигенции также приветствовали погромы и подстрекали чернь[46]. Там, где погром не был спровоцирован, он иногда стихийно вспыхивал в кабаке или на рынках. Главным объектом погромов служили трактиры, рыночные прилавки, ларьки, магазины, синагоги и жилые кварталы евреев. Трактирщик был лишь одной из многочисленных жертв. Торговцев громили как конкурентов, в 1905 г. громили евреев как революционеров, но все это было лишь поводом, чтобы просто бить, грабить, а то и убивать евреев[47].

В отдельных случаях крестьянские общины в 1881—1882 гг. организовывали собственно кампании за трезвость[48]. При этом, как в 1858 — 1859 гг., трудно решить, было ли все дело в цене и долгах или же речь шла о движении, в основу которого были положены моральные принципы. В совершении актов насилия свою роль, безусловно, играл алкоголь. Однако только в отдельных случаях сообщалось, что инициаторы погромов потом делили водку между солдатами и всяким сбродом. Это означает, что алкоголь служил катализатором, но не был истинной причиной погромов.

С точки зрения евреев, наиболее опасны были дни больших христианских праздников, и прежде всего Пасха, когда особенно много пили. «С незапамятных времен светлый праздник пасхи омрачался у еврейского народа злыми предчувствиями и весьма часто постигавшими его бедствиями...»[49] Однако и в этом случае очевидно: христианские праздники были лишь возможным, но не обязательным поводом для погромов.

Бахус в плену у власти

Вернемся к истокам русской истории. Согласно одному из вариантов летописи Нестора, Владимир Святой, выбирая между иудейством, исламом, западным и восточным христианством, отказался от ислама потому, что не мог принять установленный этой религией среди прочих запретов запрет на употребление спиртного: «Веселие Руси есть пити, и без этого нам жизни нет». Другим аргументом в пользу восточного христианства стало восхитившее Владимира и его посольство великолепие византийского богослужения: «И мы не знали, находимся мы на земле или на небе...»[50]

Пиры и обильные возлияния были неотъемлемой частью быта княжеских и дворянских домов. Все иностранные путешественники — от Ибн Фадлана до Олеария — удивлялись способности русских к чрезмерному потреблению еды и напитков[51].

Два знаменитых российских самодержца, Иван IV и Петр I, отличались тем, что ритуал власти осуществляли через пьяные оргии. Иван Грозный терроризировал страну вместе со своими опричниками, этим ранним аналогом отрядов «СС», облаченными в черную одежду. В своей резиденции, Александровской слободе, Иван устраивал оргии, в которых переплетались монашеские ритуалы с безудержным пьянством, сумасбродством и разного рода жестокостями. Разорив страну внешними и внутренними войнами, он оставил своим подданным следующее духовное завещание: «А что, по множеству беззаконий моих, Божию гневу распростершуся, изгнан есмь от бояр, самовольства их ради, от своего достояния, и скитаюсь по странам, а може Бог когда не оставит, и вам есми грехом своим беды многия нанесены...»[52] Религиозный фанатизм, пьянство и жестокость — все это непостижимым образом соединяла в себе личность Ивана Грозного.

Столь же трудно поддаются осмыслению и тщательно инсценированные «всепьянейшие соборы» и праздничные вакханалии, которые устраивал Петр I. Обязательный в таких случаях тост диктовал особые правила поведения: «Пьянство Бахусово да будет с тобою затемневающее, и дрожащее, и валяющее, и безумствующее тя во всея дни жизни твоея»[53]. В специально сочиненных церемониях царь выступал в роли протодьякона, его приближенный объявлялся «князем-кесарем», «святым отцом» или «князем-папой». В игре должны были принимать участие и «княгини-игуменьи». Все могли быть подвергнуты разного рода унизительным процедурам, а если нужно, использоваться для слежки друг за другом. Избежать пьяных сборищ можно было, только заплатив штраф. Домам, которым предстояло принимать у себя все это сборище пьющих попов, игуменов, игумений, архимандритов, князей-кесарей, князей-пап и карнавальных персонажей, указом царя предписывалось иметь соответствующие запасы: хлеб, соль, калачи, икру, сельдь, окорок, иногда — цыплят или зайцев и, по возможности, сыр, масло, колбасы, языки, огурцы, капусту, яйца. «Над всеми же сими превозлюбленныя наши вины, пиво и меды, сего что вяще, то нам угоднейше будет, ибо в том живем, и не движемся, и есть или нет, не ведаем»[54].

В петровских сатурналиях в самых противоречивых сочетаниях воплотились традиции церковных и народных обрядов, как русских, так и западноевропейских: славлений, разновидности рождественских песнопений, патриаршего выхода в вербное воскресенье, папского конклава, карнавальных праздников и, возможно, скоморошьих игр, запрещенных церковной и светской властью в середине XVII в.[55] Дурачества Петра можно рассматривать как разрыв с традицией и дезавуирование византийского ритуала, господствовавшего при царском и патриаршем дворах в XVII в.[56] А после свадьбы «всешутейшего патриарха московского» патриаршество стало еще и объектом насмешек[57].

Балтийский историк Рейнгард Виттрам, верующий протестант, расценивал необычное поведение Петра как выражение субъективного восприятия религиозного через «сексуальную беспорядочность»[58]. Другие историки, среди них В.О.Ключевский, склонны были смотреть на поступки Петра более прозаично, скорее как на обычные грубые выходки, только облеченные в царское одеяние[59]. К этому можно было бы добавить, что Петр, очевидно, испытывал особое удовольствие, без устали изобретая новые, весьма коварные забавы, которые буквально изводили его придворных и сановников. Неограниченная власть способна утверждать себя и подобным, «перевернутым» образом, путем всехристианского унижения.

Спустя столетие возникли более совершенные формы общения, празднеств и пития, не столь сумасбродные, как петровские пиршества и ассамблеи, которые, несмотря на наличие режиссуры, оставались грубой забавой[60]. Позднее публичная жизнь в столичных городах приобретает черты известной театрализованности. Петровские необузданные ассамблеи постепенно перетекают в «хореографию бала». Распределение и представление ролей на этих балах осуществлялось посредством литературной, часто аффектированной, риторики, стилизации чувств, а также маскарадных костюмов[61]. Если балы и маскарады давали выход пока еще очень ограниченной свободе, то на службе, во всяком случае внешне, господствовала регламентация — униформа, парадомания и возрастающий кон-

троль за образом мыслей подданных. Стремясь убежать из сферы светской жизни и государственной службы, мужчины обращались к карточному столу, пирушке в цыганском ресторане и другим, подчас менее безобидным вещам. Светскому этикету и службе противопоставлялись буйство или разгул, что часто означало беспробудное пьянство, заканчивающееся бесчинствами вплоть до дуэлей или изнасилований. Буйство, разгул и карточная игра были бегством от этикета. Пили при этом, конечно, не дешевую водку, а импортные напитки — шампанское, вина, ликеры, а также пиво[62].

Эти неформальные, часто служащие только знаком мужского братства, попойки можно рассматривать как своего рода протест против светского ритуала и политических притеснений. Именно в этом смысле поколение декабристов приветствовало Бахуса как бога радости и свободы, причем радость и свобода могли трактоваться как в прямом, так и в переносном смысле. Когда же на вещи смотрели более трезво, то появлялись требования верховенства закона и угрозы убийства тирана[63].

Впоследствии происходило известное обуржуазивание образа жизни при дворе, а также в обществе — вследствие изменения отношений собственности и распространения образования, когда различные формы общения — придворные, политико-публичные и семейные — все более отделялись друг от друга. Пить стали сообразно с критериями бюргерской умеренности, или по крайней мере пытались таковым следовать. Чрезмерное пьянство считалось теперь алкоголизмом, болезнью или недостатком воспитания. Антиалкогольное движение, начавшееся в России в конце XIX в., воспринимало себя не в последнюю очередь как попытку сдерживания и «обуржуазивания» безмерного пьянства городских низов и деревенских жителей[64].

Революционное движение, начиная с 60-х годов XIX в., также следовало скорее аскетическим идеалам. Литературный персонаж, воплотивший в себе образ революционера, Рахметов из романа Н.Г.Чернышевского «Что делать?» (1863 г.) был аскетичным и при этом спортивным человеком, который готовил себя к революции, создавая систему искусственных трудностей[65]. Масса революционно настроенных студентов, а позднее профессиональные революционеры вынуждены были часто бедствовать, их жизнь была слишком нестабильной, чтобы они могли тратить много энергии на праздники, пьянство и другие эксцессы.

Ленин, вспоминала К.Цеткин, так формулировал «сухой» закон, обязательный для революционера: «Революция требует концентрации, максимального напряжения сил... Она не признает никаких оргий... Необузданность сексуальной жизни — признак буржуазности, распада. Пролетариат — поднимающийся класс. Он не нуждается в допинге. Ему нужен сексуальный дурман так же мало, как дурман алкогольный. Он обязан и должен не забывать самого себя. Ему требуется ясность, ясность и еще раз ясность...»[66]

Во времена, когда «пролетариат» стал господствующим, а затем ведущим классом в «общенародном государстве» (с 1961 г.), аскетически-пуританские идеалы были забыты. Тогда же господствующей элите удалось создать для себя остров благоденствия — тоже своего рода доказательство «триумфа» социализма.

Сталин — «эпицентр любви» как народа, так и всех коммунистов[67], после того, как в 30-е годы провозгласил: «Жить стало лучше, жить стало веселее», воплотил этот девиз в своих обильных ночных застольях. Сам Сталин предпочитал пить не водку, а вино, что может быть отнесено на счет его грузинского происхождения. Поскольку власть теперь принадлежала народу, народные традиции определяли культуру пития верхушки государства. Здесь тоже царили строгие правила деспотии: каждый тост (к которым кавказцы испытывают даже большую склонность, чем русские) должен был произноситься с полным бокалом — вина или водки — и затем выпиваться сразу до дна. Крепкое словцо в данном случае служило знаком доверия между гостем и хозяином, а также элементом скрытого коварства, показного дружелюбия, особенно расцветающего при полном опьянении[68]. Деспотии выпивки была противопоставлена демократия закуски[69] — каждый мог брать столько, сколько пожелал, — радость, доступная в стране, вплоть до начала 50-х годов, очень узкому кругу лиц. Именно это меньшинство на пути к коммунизму в известном смысле находилось в авангарде, демонстрируя своим достатком несколько иное положение вещей, чем это представлялось аскетичному Ленину.

Сталинские ночные застолья, начинавшиеся в десять вечера и заканчивавшиеся на рассвете, на первый взгляд могли показаться дружеской вечеринкой почтенных господ или торжеством в патриархальном семействе. На самом деле для участников собраний, кроме самого Сталина, они были скорее обузой, нежели удовольствием. В этих застольях, с роскошно накрытыми столами и большими, хотя и не безграничными дозами алкоголя, в этом узком кругу царил ритуал тирании. Под маской добродушия, сердечности, анекдотов и шуток скрывались настороженность, подозрительность и страх перед непредсказуемостью деспота. Сталин мог позволить себе подвергнуть своих вчерашних гостей любым обвинениям и аресту. Он, много пьющий, но никогда не пьянеющий, находил, очевидно, весьма забавным, когда окружавшие его люди вдруг попадали в не-

приятные, а то и просто унизительные ситуации[70]. Он хотел, чтобы «они проговаривались в тех вещах, рассказать о которых в трезвом состоянии решились бы, только дважды подумав»[71]. Выпивка часто приобретала форму соревнования. Иногда жертвами подобных состязаний становились иностранные, зависимые от расположения диктатора, партийные руководители.

Об одной такой жертве, лидере венгерских коммунистов М.Ракоши, вспоминал Н.Хрущев[72]. Сталину доставляло особое удовольствие заставлять своих приближенных и иностранных гостей танцевать. Хрущев вспоминал: «Если Сталин говорил — "танцуй!", умный человек станет танцевать!»[73] Поскольку ночные застолья, как правило, проходили в мужской компании (женщины должны были лишь молча обслуживать гостей), для развлечения Сталину не оставалось ничего иного, как заставлять мужчин устраивать фольклорные представления или танцевать друг с другом. Об одном таком эпизоде вспоминает польский коммунист Якоб Берман, которого интервьюировала, вызывая на откровенность, Тереза Торанска:

«Берман: ...Я танцевал с Молотовым, жена которого в это время сидела в лагере, мне кажется, это был вальс, что-то очень простое, однако у меня не получалось... Молотов вел... Он танцевал хорошо и пытался меня тоже удержать в ритме... Сталин не танцевал совсем. Он занимался граммофоном, заводить который для него было чем-то вроде гражданской обязанности. Он не выпускал его из поля своего зрения... Он все время наблюдал, как мы танцуем.

Торанска: Было весело?

Берман: Довольно весело, но внутри чувствовалась напряженность.

Торанска: Для Вас это было не особенно занимательным, не правда ли?

Берман: Для Сталина это было весьма занимательно. А для нас танцы были своего рода возможностью перебросится шепотом парой слов, которые мы не смогли бы произнести громко. Молотов предостерег меня тогда от попыток проникновения в нашу среду различных враждебных организаций...»[74]

Как видно, тираны, испытывали определенную потребность, помимо прочего, «инсценировать» свою власть и способность подчинять других. Иван IV имитировал, пародировал в кровавых забавах церковные обряды. Петр подвергал осмеянию дворцовые и церковные традиции, одновременно унижая подчиненных ему сановников. Сама Екатерина II, любившая появляться в форме гвардейца, предпочитала видеть своих кавалеров в дамском платье[75]. А Сталин заставлял своих приближенных танцевать.

Бахус, друг народа

На святой Руси, так же как и в царской России, уровень потребления водки в деревне определялся в известной степени цикличностью христианских праздников. Пили в основном только по случаю праздника. В этом смысле можно говорить о выпивке как о ритуале, даже когда она носила, за исключением тостов, неорганизованный характер, а иногда была просто чрезмерной. Поводов выпить было достаточно. В православном календаре — около 50 церковных и святых праздников, не считая воскресений. Чехов в рассказе «Мужики» пишет о деревне Жуково: «На Илью пили, на успенье пили, на воздвиженье пили. На покров в Жукове был приходский праздник, и мужики по этому случаю пили три дня; пропили пятьдесят рублей общественных денег и потом еще со всех дворов собирали на водку. В первый день у Чикильдеевых зарезали барана и ели его утром, в обед и вечером, ели помногу, и потом еще ночью дети вставали, чтобы поесть»[76].

В других деревнях почитали иных святых заступников. Но пиковые точки празднеств приходились на Святки — дни между Рождеством и Крещением, масленицу, которая продолжалась до начала предпасхального поста, и на Пасху. Обычной картиной на этих праздниках была процессия, состоящая из уже слегка пошатывающихся пастыря и ведомых им послушных «овечек». И при каждом удобном случае — «выпьем во славу Господа нашего!»[77] Количество выпитого зависело от того, был ли год урожайным или нет; продолжительность воздержания от пития также могла варьироваться. К этому надо добавить и вполне светские поводы для веселья: например, ритуал посвящения мальчиков в мужчины, но прежде всего щедрые на угощение осенние свадьбы. По случаю каждого праздника употреблялось до восьми ведер водки (около 80 литров). Наряду с потреблением пива, кваса или меда, часто приготовленных собственноручно, начиная с XVIII в. в оборот все больше входила водка.

Следующим поводом для порой чисто символического, а порой и весьма обильного возлияния служили рыночные дни, заключение торговых сделок, публичные примирения, угощение как форма искупления, иногда как форма подкупа деревенского собрания[78]. Призыв в армию был еще одним поводом, позволяющим рекрутам и их семьям утопить в вине свое горе[79]. Подобное прощание, сопровождаемое «гомерическим плачем» женщин, могло служить доказательством того, что деревня воспринимала обязанность государевой службы как потерю, дань, почти как человеческое жертвоприношение.

Все эти праздники и попойки отличались тем, что они отмечались сообща — в семье, в кругу соседей, в общине; женщины участвовали в них вместе с мужчинами. В среднем невысокий достаток крестьянских семей ограничивал масштабы совместных выпивок и празднеств и определял смену коротких и обильных возлияний продолжительными периодами воздержания. Опьянение достигалось достаточно быстро, поскольку пища крестьян, как правило, была очень скудной или, во всяком случае, однообразной: хлеб, овсянка или гречневая каша, картофель, молоко, капуста и огурцы как основные овощи, относительно редко мясо и фрукты[80].

Позднее, после введения алкогольного акциза, водка стала предметом торговли. С одной стороны, это служило распространению товарно-денежных отношений в деревне, а с другой стороны, компенсировало недостаток средств в казне. Примером того, насколько медленно осуществлялся поворот от натуральных отношений к товарно-денежным, может служить обычай «помочи», или «толоки». Он использовался как понуждение к общественным работам всех видов — от извозной повинности или строительства казенных дорог до совместной постройки церкви или школы, а также для проведения общественных полевых работ. Под «помочью» могла также выступать соседская поддержка бедствующих семей или помощь семьям, не имеющим достаточной рабочей силы. Эта взаимная поддержка и помощь давала много возможностей для совместного времяпрепровождения. Дело редко обходилось без спиртного. Отношения, которые в середине XIX в. еще во многом сохраняли силу ритуальной традиции, в процессе коммерциализации стали все больше превращаться, в том числе и в деревне, в натуральную сделку или договорные деловые отношения[81]. Еще в 20-е годы, т.е. в советское время, считалось: за деньги тебе никто не поможет, зато за самогон — готов каждый[82]. В водовороте 30-х годов институт «помочи» как таковой почти исчез. Но ее принципы сохранились, причем не только в деревне, но и в городе. В советскую эпоху, когда деньги стали обесцениваться, а товаров и услуг не хватало, водка превратилась в самую стабильную валюту. При проведении всевозможных работ использовалась наряду с деньгами водка как форма оплаты труда. Иногда достаточно было одной водки. Но было условие: сохранять видимость угощения, т.е. хозяин должен был пить вместе с работником — порядок, в котором легко угадывается традиция «помочи»[83]. Продолжающийся еще с XIX в. спор о том, в какой степени «помочь» являлась скрытой эксплуатацией[84], в условиях России вряд ли вообще разрешим. Общее согласие легко достигалось, когда, казалось бы, неразрешимые проблемы топились в вине.

Культура пития городских низов, прежде всего нижних городских сословий и рабочих, отличалась главным образом тем, что в городе пили чаще, возможно, более умеренно, но общий уровень потребления спиртного там был выше, чем в деревне[85]. Это можно объяснить более высоким уровнем доходов наемных работников, занятых в городской промышленности, а с другой стороны — высокой долей молодых неженатых мужчин, особенно среди фабричных рабочих. Поэтому рабочие мастерских и фабрик пользовались репутацией «горьких пьяниц», тем более, что трактиры были всегда доступны и часто находились прямо на территории фабричных комплексов, что также было выгодно предпринимателям[86]. Среди мастеровых и рабочих выпивка служила доказательством мужественности, взрослости и, не в последнюю очередь, — свидетельством принадлежности к группе, которая противопоставляла себя другим — ученикам, начальникам, чужакам, а также прочим профессиональным группам и, наконец, «бабам». Пили на рабочем месте или вечером в трактире, «рассказывали похабные анекдоты и похвалялись своими сексуальными приключениями»[87].

Поводы к выпивке были в общем те же, что и на Западе, — день зарплаты, «похмельный понедельник», прием на работу нового коллеги или вступление в должность десятника, желание завязать дружбу и, наконец, поминки по умершим. Эти наблюдения были сделаны в отношении типографских рабочих[88]. Если в этой, сравнительно квалифицированной, категории рабочих господствовали подобные обычаи, можно представить, насколько более удручающим было положение в других[89]. Вопрос о том, в какой степени пьянство среди фабричных рабочих и особенно среди многочисленных отходников и сезонных рабочих связано со вспышками массового насилия, подлежит дальнейшему исследованию. Здесь можно было бы вспомнить о знаменитых кулачных боях, а также об уже упоминавшихся погромах[90].

К концу XIX в. рабочее движение стало политизироваться, и с тех пор подобные формы досуга расценивались как прямое следствие эксплуатации и необразованности рабочих. С 1905 г. агитация среди рабочих иногда специально акцентировала внимание на вопросах алкоголизма и трезвости, образования, дисциплины и самовоспитания. Выражаясь кратко, рабочее движение политической направленности требовало «культурной революции в быту»[91] и стремилось подобным образом влиять на производственные вопросы и участие рабочих в политической жизни.

Наши познания об обычаях пития русских, относящиеся к периоду после 1950-х годов, почти идентичны тем, что касаются XVI—XVIII в., т.е. основываются преимущественно на сви-

детельствах очевидцев. Собственно этносоциологические исследования последнего времени способны внушить мысль, будто русские были народом-трезвенником[92]. Русские «патриоты» различных оттенков уже давно кричат о «вымирании» русской деревни, если не всего русского народа, в том числе и по причине распространения алкоголизма[93]. Однако исследований питейных традиций и привычек, которые проводились в XIX в., сейчас нет. В России второй половины XX в. пьют тоже преимущественно в кругу семьи и знакомых, с многочисленными тостами и последующим — «до дна». Кажется, русским этнологам пока не пришла в голову идея собирать застольные тосты. В этих тостах находят свое отражение служебные, семейные и дружеские отношения, а также раскрепощенная фантазия и любовь к шутке, игре слов, афоризму, короткой или продолжительной декламации стихов.

Поскольку хорошие рестораны по финансовым причинам посещались только в исключительно редких случаях, массе «трудящихся» для того, чтобы выпить в компании, доставались менее привлекательные места — киоск, забегаловка, пивная или так называемое кафе, куда при необходимости, несмотря на запрет, можно было приносить водку с собой. Эти действительно по большей части неприглядные пристанища для удовлетворения мужской радости пития пришли на смену дореволюционным кабакам. Своего рода вершиной доверительности в мужском кругу являлось — в зависимости от размеров кошелька — распитие одной или нескольких бутылок водки «на троих». Если третьего не хватало, в крайнем случае приглашался первый встречный, вызывающий доверие, который должен был внести свою долю расходов.

«Среднестатистический русский, — под этим скорее всего подразумевается рабочий или крестьянин, — счастлив выпить с себе подобными, со своим собственным шефом, даже с татарином, но он почитает для себя малопривлекательным пить с представителем русской интеллигенции. По его мнению, это почти так же плохо, как пить с евреем, и немногим лучше, чем пить с иностранцем, что также является своего рода табу. Все эти люди слишком много говорят. Они пьют, чтобы говорить... а это совершенно не то, когда пьют, чтобы пить»[94]. Подобные выводы, сделанные на основе наблюдений и поспешных обобщений, что русские пролетарии, «работяги» пьют ради самого пьянства, довольно распространены среди интеллигенции. Культура низов, особенно рабочих без образования и с начальным образованием, представляет собой «пьянство, драки, поножовщину, игру на гармошке, дурные ругательства и лузганье семечек»[95].

Какой контраст по сравнению с ожиданиями Ленина и пропагандистскими формулами, в которых рабочему классу все еще отводилась роль «передового класса»! Однако уже не приходится сомневаться в том, что он посвятил себя иному, чем строительство социализма, удовольствию. На основе личных впечатлений первых послевоенных десятилетий формируется и другой стереотип, согласно которому рабочие и крестьяне пьют непосредственно «на улице», тогда как представители средних классов и элиты предпочитают не пьянствовать, как «работяги», или предаются этому пороку за закрытыми дверями. Из мира советской элиты известно достаточное количество примеров горького пьянства, хотя точные данные о степени распространения этого недуга отсутствуют. В этой связи можно вспомнить о попойках в дружеском кругу Алексея Толстого[96] или о периодических запоях Александра Фадеева. Когда Фадеев после XX съезда партии покончил с собой, официальные партийные инстанции предпочли объяснить этот поступок алкоголизмом писателя, чтобы не называть действительной причины — отчаяния от осознания своей неприглядной роли во времена Сталина[97]. В среде политической элиты алкоголиками были сын Сталина Василий, брат и дочь Леонида Брежнева[98]. Аналогичную ситуацию можно было наблюдать и по другую сторону «баррикад», например, в отношении одного из известных инициаторов правозащитного движения Петра Якира[99].

Тем не менее все предшествующие, очень фрагментарные социологические исследования свидетельствуют о том, что среди городского индустриального населения существуют отдельные категории рабочих, которые потребляют водку чаще других и в больших количествах[100]. В этих группах пьянство является самой частой причиной разводов[101]. Судить же о том, идет в данном случае речь об обычном пьянстве или об алкоголизме как болезни, на основании советской литературы невозможно.

Характерно, что наиболее высокий уровень потребления спиртного отмечен в тех регионах, где в последние десятилетия наблюдалась высокая миграция населения и одновременно большая подвижность рабочей силы. В этих регионах всегда была высока доля мигрантов-мужчин с временными договорами на работу. Подобные выводы касаются прежде всего областей Западной Сибири и Дальнего Востока, где доля лиц, страдающих алкоголизмом, была почти вдвое выше, чем, например, в Москве[102]. Эта ситуация во многом аналогична дореволюционной, когда мигрирующий элемент, находясь в весьма неустроенных жизненных условиях и располагая относительно высоким денежным доходом, чаще всего предавался пьянству. Короче создается впечатление, что вместо того, чтобы спешить

навстречу коммунизму, часть рабочего класса предпочла обходной путь — в сторону прогрессирующего алкоголизма[103].

От утопии — к белой горячке

История повседневности, норм поведения и ментальности по-прежнему остается описательной и мало что объясняет. История пития, взятая в социальном и культурно-историческом аспекте, способна между тем под своим собственным углом зрения высветить те проблемы, которые в общем уже известны. Политика Петра I или Сталина не получит, конечно, иной интерпретации, если знать, как они пили и отмечали праздники. Да и их самих, отправляющих ритуалы власти, не стоит считать типично русским явлением. Опасно и соблазнительно только на основе истории культуры пития судить о национальном характере русских или, выражаясь более современно и нейтрально, о стиле культуры и образе жизни. Если кто-то хочет этим заниматься, в таком случае следует гораздо серьезнее, чем это происходит до сих пор, подойти к вопросу о проведении статистических исследований. Это, однако, кажется менее интересным, чем исследование особых явлений. А ведь именно особенное по большей части используется для того, чтобы, исходя из питейных традиций и привычек, делать выводы о национальном характере. Подобные попытки, как показывает опыт, вязнут в тавтологии и противоречиях. Особенно в тех случаях, когда пытаются провести аналогии между национальным характером и пристрастием к алкоголю. В обоих случаях непонятно, о чем, собственно, идет речь, если при этом нет желания скатываться в похмельный бред[104]. Так же трудно увязать воедино распространение чрезмерного пьянства, с одной стороны, и кризис политической и социальной системы, с другой.

Как представляется, можно считать доказанным состоявшийся поворот от ритуальных к современным поводам для пития при сохранении определенной преемственности в употреблении спиртного как для поддержания компании, так и в случае чрезмерного пьянства. Последнее можно было бы объяснить, причем не только в России, тем, что до сих пор не удается вытеснить из структуры потребления спиртного водку, которая пьется не только 100-граммовыми порциями, но и целыми литрами. Имеющиеся фрагментарные данные, относящиеся к советскому периоду, позволяют делать обобщающие выводы, но они касаются прежде всего простой констатации сосуществования культуры потребления спиртного, характерной для индустриального периода, с современными формами пития и пьянства (как мы в Германии ассоциируем это с «винной

чумой» прошлого), т.е. обеих форм, которые только в контексте современного образа жизни стали массовым феноменом.

Если идти по этому пути дальше, то отношение к питию может служить аргументом, подтверждающим теорию, которая представляет Советский Союз как проект «незавершенной модернизации». Только в этом случае его завершение по западному образцу означает лишь то, что наряду с пьянством появляется еще и наркомания.

И в завершение несколько слов, чтобы вновь поднять тему на метафорический уровень и затем, не поставив точки, прервать ее обсуждение: в начале революционной эпохи, в 1790 г., появилось «Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Радищева. Каждая остановка в пути следования служила автору поводом для обличения крепостного права и деспотии. После пробуждения от революционных грез, в 1972 г., Венедикт Ерофеев написал свою книгу о путешествии — «Москва — Петушки» — описание дорожных впечатлений под влиянием белой горячки[105]. И это как нельзя более символично.

[1] *Schreider T.* (Hg.) Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa. Bd. 1/1. S. 60.

[2] *Терц А.* Мысли врасплох. New York, 1966. С. 76.

[3] *Segal B.M.* The Drunken Society. Alcohol Abuse and Alcoholism in the Soviet Union. A Comparative Study. New York, 1990. P. XVIII; *Shlapentokh D.* Drunkenness and Anarchy in Russia: A Case for Political Culture // Russian History. 1991. № 4. P. 457—500. В качестве «классической» работы см.: Из глубины: Сборник статей. Paris, 1967.

[4] *Smith R.E.F., Christian D.* Bread and Salt. A Social and Economic History of Food and Drink in Russia. Cambridge, 1984. P. 134.

[5] *Olearius A.* Moskowitische und Persische Reise. Berlin, 1959. S. 144; *Heller W.* Die Moskauer «Eiferer der Frömmigkeit» zwischen Staat und Kirche (1642—1652). Wiesbaden, 1988. S. 39; *Bushkovitch P.* Religion and Society in Russia. The Sixteenth and Seventeenth Century. New York, 1992. P. 55.

[6] *Hodgson J.E.* With Denikin's Armies. London, 1932. P. 80; *Segal B.M.* Op. cit. P. 27.

[7] *Яковлев Я.* Деревня как она есть. Очерки Никольской волости. М.; Л., 1925. С. 117; *Segal B.M.* Op. cit. P. 60; *Ipatieff V.N.* The Life of a Chemist. Memoirs. Stanford, 1946. P. 408.

[8] *Tarschys D.* The Success of a Failure: Gorbachev's Alcohol Policy. 1985—1988 // Europe-Asia-Studies. 1993. № 45. P. 7—25.

[9] *Altrichter H.* Die Bauern von Tver. Vom Leben auf dem russischen Dorfe zwischen Revolution und Kollektivierung. München, 1984. S. 205.

[10] *Heggen A.* Alkohol und bürgerliche Gesellschaft im 19. Jahrhundert. Eine Studie zur deutschen Sozialgeschichte. Berlin, 1988. S. 16; *Hoppe H.* Die Tatsachen über den Alkohol. Eine Darstellung der Wissenschaft vom Alkohol. Berlin, 1904. S. 428.

[11] *Heggen A.* Op. cit. S. 30.

[12] *Hoppe H.* Op. cit. S. 401.

[13] *Segal B.M.* Op. cit. P. XXI.

[14] *Hoppe H.* Op. cit. S. 18, 477.

[15] *Струмилин С.Г., Сонин М.Я.* Алкогольные потери и борьба с ними // ЭКО. 1974. № 4. С. 36—37; *Treml V.G.* Alcohol in the USSR. A Statistical Study. Durham, 1982. P. 68; *Amalrik A.* Unfreiwillige Reise nach Sibirien. Hamburg, 1970. S. 151.

[16] *Segal B.M.* Op. cit. P. 144; *Treml V.G.* Op. cit. P. 44, 68; *Kosmetschke R., Hepp R.* Strukturen und Tendenzen auf dem Weltweinmarkt sowie in wichtigen Weinerzeugnungsländern. Münster, 1991. S. 149.

[17] *Заиграев Г.Г.* Борьба с алкоголизмом: проблемы, пути, решения. М., 1986. С. 23.

[18] *Segal B.M.* Op. cit. P. 145.

[19] Алкоголизм: региональный аспект / Под ред. В.Я.Семке. Томск, 1992. С. 19.

[20] *Segal B.M.* Op. cit. P. 94.

[21] *Лисицын Ю.П., Копыт Н.Я.* Алкоголизм. М., 1983. С. 83, 93; Тенденции динамики основных структур контингента психически больных по городу Москва / Под ред. А.С.Киселева. М., 1986. С. 9.

[22] *Лисицын Ю.П., Копыт Н.Я.* Указ. соч. С. 94.

[23] *Сысенко В.А.* Разводы: динамика, мотивы, последствия // Социологические исследования. 1982. № 2. С. 100.

[24] *Заиграев Г.Г.* Указ. соч. С. 33; *Захарова О.Д.* Демографическая ситуация в СССР в 80-е годы // Социологические исследования. 1991. № 4. С. 43—52; *Симбирцев С.А.* Борьба за трезвость: Учебное пособие для врачей-слушателей. Л., 1985. С. 12.

[25] *Neuberger J.* Hooliganism. Crime, Culture and Power in St.Petersburg. 1900—1914. Berkeley, 1993. P. 125; *Altrichter H.* Op. cit. S. 129.

[26] *Bushkovitch P.* The Merchants of Moscow. 1580—1650. Cambridge, 1990. P. 157.

[27] *Christian D.* «Living Water». Vodka and Russian Society on the Eve of Emancipation. Oxford, 1990. P. 388; Алкоголизм как научная и бытовая проблема. М.—Л., 1926. С. 229.

[28] ПСЗ. Собр. 2. Т. 17. № 12444.

[29] *Герцен А.И.* Эссе о возведении пьянства в православную и государственную обязанность // Колокол. 1859. 1 июня.

[30] *Staden H. von.* Aufzeichnungen über den Moskauer Staat. (Hg.: F.Epstein). Hamburg, 1964. S. 178, 184.

[31] *Smith R.E.F., Christian D.* Op. cit. P. 145; *Heller W.* Op. cit. S. 35.

[32] *Федоров В.А.* Крестьянское трезвенное движение 1858—1860 гг. // Крестьянское движение в России в 1859—1861 гг. / Под ред. М.В.Нечкиной. М., 1962. С. 107—126.

[33] О трезвенном движении 1858—1859 гг. см.: *Christian D.* Op. cit. P. 286.

[34] *Герцен А.И.* Смесь // Колокол. 1859. 15 сентября.

[35] *Christian D.* Op. cit. P. 43.

[36] *Weinryb B.D.* Neueste Wirtschaftsgeschichte der Juden in Russland und Polen. Von der ersten Teilung bis zum Tode Alexander II. (1772—1881). Breslau, 1934. (Nachdruck, 1972). S. 129.

[37] *Rest M.* Die russische Judengesetzgebung von der Ersten Polnischen Teilung bis zum «Polozenie dlja evreev» (1804). Wiesbaden, 1975. S. 25.

[38] *Christian D.* Op. cit. P. 43, 72.

[39] *Rest M.* Op. cit. S. 76.

[40] *Eisenbach A.* Kwestia równouprawnenia zydow w Królestwie Polskim. Warszawa, 1972. S. 18; *Hensel J.* Polnische Adelsnation und judische Vermittler. 1815—1830 // Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Bd. 32. 1983. S. 7—227.

[41] *Rogger H.* Government, Jews, Peasants and Land in Post-Emancipation Russia // Cahiers du monde russe et soviétiques. 1976. Vol. 17. № 1. P. 5—25; № 2. P. 171—211; 17/2. P. 190; *Weinryb B.D.* Op. cit. S. 140.

[42] *Rogger H.* Op. cit. 17/2. P. 187.

[43] *Beauvois D.* Polish-Jewish Relations in the Territories Annexed by the Russian Empire in the First Half of the Nineteenth Century // *Abramsky Ch., Jachimczyk M., Polonsky A.* (Hg.). The Jews in Poland. New York, 1986. P. 78—90; *Rest M.* Op. cit. S. 76.

[44] *Loewe H.D.* Antisemitismus und reaktionäre Utopie. Russischer Konservatismus im Kampf gegen Wandel von Staat und Gesellschaft. 1890—1917. Hamburg, 1978. S. 52. (Engl.: The Tsars and the Jews. Reform, Reaction and Antisemitism in Imperial Russia. 1772—1917. Chur, 1993); *Drezin F.* The Russian Soul and the Jew. Essays in Literary Ethnocentrism. Boston, 1990. P. 61.

[45] *Rogger H.* Op. cit. 17/2. P. 197.

[46] См. свидетельства очевидцев и официальные документы в: *Motzkin L.* (Hg.) Die Judenpogrome in Russland. Bd. 1—2. Köln—Leipzig, 1910; Материалы для истории антиеврейских погромов в России / Под. ред. С.М.Дубнова и Г.Я.Красного-Адмони. Пг., 1919—1923. См. также новые работы: *Klier D., Lambroza Sh.* (Hg.) Pogroms. Anti-Jewish Violence in Modern Russia History. Cambridge, 1992; *Aronson I.M.* Troubled Waters. The Origins of the 1881 Anti-Jewish Pogroms in Russia. Pittsburg, 1990. P. 110; *Wynn Ch.* Workers, Strikes and Pogroms. The Donbass-Dnepr Bend in Late Imperial Russia. 1870—1905. Princeton, 1992. P. 108; *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905—1914 гг.). М., 1995. С. 75, 224.

[47] *Lambroza Sh.* The Pogrom Movement in Tsarist Russia. 1903—1906. Ph.D. Diss. Rutgers University, 1981. P. 114, 195.

[48] *Aronson I.M.* Op. cit. P.121.

[49] *Слиозберг Г.Б.* Дела минувших дней. Записки русского еврея. Т. 3. Paris, 1934. С. 19.

[50] Повесть временных лет. Ч. 1. М.—Л., 1950. С. 258, 274.

[51] *Rüss H.* Herren und Diener. Die soziale und politische Mentalität des russischen Adels. 9—17 Jh. Köln—Wien, 1994. S. 173.

[52] *Crummey R.O.* The Formation of Muscovy 1304—1613. London—New York, 1967. P. 156.

[53] *Семевский М.И.* Шутки и потехи Петра Великого // Русская старина. 1872. Т. 3. № 6. С. 872.

[54] Там же. С. 878.

[55] *Crummey R.O.* Op. cit. P. 120; *Heller W.* Op. cit. S. 138; *Zguta R.* Skomorochi: The Russian Minstrel-Entertainers // Slavic Review. 1972. № 2. P. 297—322; *Idem.* Russian Minstrels. A History of the Skomorochi. Oxford, 1978.

[56] *Crummey R.O.* Court Spectacles in Seventeenth Century Russia: Illusion and Reality // *Wough D.C.* (Hg.) Essays in Honor of A.A.Zimin. Columbus—Ohio, 1985. P. .130—158; *Neubauer H.* Zar und Selbstherrscher. Beiträge zur Geschichte der Autokratie in Russland. Wiesbaden, 1964. S. 168.

[57] *Семевский М.И.* Указ. соч. С. 881.
[58] *Wittram R.* Peters des Grossen Verhältnis zu Religion und den Kirchen. Glaube, Vernunft, Leidenschaft // Historische Zeischrift. 1952. Bd. 173. S. 266.
[59] *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 4. М., 1958. С. 39; *Zguta R.* Peter I's «Most Drunken Synod of Fools and Jesters» // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1973. Bd. 21. S. 18—28.
[60] *Агеева О.Г.* Общественная культурная жизнь Петербурга 1-й четверти XVIII в. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1990. С. 115.
[61] *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII—начало XX века). СПб., 1994. С. 91, 137, 180.
[62] *Kahan A.* The Costs of «Westernization» in Russia: The Gentry and the Economy in Eighteenth Century Russia // Slavic Review. 1966. № 25. P. 44.
[63] См. оды А.С.Пушкина «Вольность» и «Торжество Вакха» в: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 1. М., 1962. С. 321, 330.
[64] *Segal B.M.* Op. cit. P. 157; *Tuchtenhagen R.* Abstinenz als Aufklärung. Antialkoholkampagnen im Zarenreich. 1894—1914 // *Haumann H., Plaggenborg St.* (Hg.) Aufbruch der Gesellschaft im verordneten Staat. Russland in der Spätphase des Zarenreiches. Frankfurt am Main, 1994. S. 272—295.
[65] *Borcke Av.* Die jakobinische Tradition in Russland und die Theorie der revolutionären Diktatur. München, 1977. S. 493.
[66] *Zetkin C.* Erinnerungen an Lenin. Wien-Berlin, 1929.
[67] *Искандер Ф.* Сандро из Чегема. М., 1991. С. 219.
[68] *Segal B.M.* Op. cit. P. 139.
[69] *Искандер Ф.* Указ. соч. С. 220.
[70] Chruschtschow erinnert sich. Reinbek b. Hamburg, 1971. S. 306.
[71] Ibid. S. 268.
[72] Ibid. S. 310.
[73] Ibid. S. 306.
[74] *Toranska T.* Die da oben. Polnische Stalinisten zum Sprechen gebracht. Köln, 1987. S. 212.
[75] *Лотман Ю.М.* Указ. соч. С. 101.
[76] *Чехов А.П.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 8. М., 1962. С. 224.
[77] *Herlihy P.* Joy of the Rus': Rites and Rituals of Russian Drinking // Russian Review. 1991. № 2. P. 134; *Segal B.M.* Op. cit. P. 140; *Altrichter H.* Op. cit. S. 101; *Christian D.* Op. cit. P. 69.
[78] *Воронин Н.* Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения. Обследование потребления вина в Пензенской губернии в 1912 году. Пенза, 1913. С. 9.
[79] *Bernhardi Th. von.* Vermischte Schriften. Bd. 1—2. Berlin, 1879. Bd. 1. S. 359.
[80] *Dunn St.P., Dunn E.* The Peasants of Central Russia. New York, 1967. P. 121.
[81] *Zelenin D.* Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin—Leipzig, 1927. S. 335; *Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 32.
[82] *Яковлев Я.* Указ. соч. С. 115.
[83] *Segal B.M.* Op. cit. P. 102; *Smith H.* Die Russen. Bern—München, 1976. S. 168.
[84] *Smith R.E.F., Christian D.* Op. cit. P. 319.

[85] *Воронов Н.* Указ. соч. С. 26; *Четыркин В.М.* Тайное винокурение в деревне // Плановое хозяйство. 1924. № 4/5. С. 78.
[86] *Puttkammer J. von.* Fabrikgesetzgebung in Russland vor 1905. Phil. Diss. Freiburg, 1994. S. 82.
[87] *Steinberg M.D.* Moral Communities. The Culture of Class Relations in the Russian Printing Industry. 1867—1907. Berkeley, 1992. P. 72.
[88] *Steinberg M.D.* Op. cit. P. 116.
[89] *Bonnell V.E.* (Hg.) The Russian Worker. Life and Labour Under the Tsarist Regime. Berkeley, 1983. P. 23; *Idem.* Roots of Rebellion. Workers Politics and Organizations in St.Petersburg and Moscow. 1900—1914. Berkeley, 1983. P. 64; *Wynn Ch.* Workers, Strikes and Pogroms. The Donbass-Dnepr Bend in Late Imperial Russia. 1870—1905. Princeton—New York, 1992. P. 78.
[90] *Brower D.* Labor Violence in Russia in the Nineteenth Century // Slavic Review. 1982. Vol. 41. № 3. P. 417—431.
[91] *Steinberg M.D.* Op. cit. P. 243.
[92] *Dunn St.P., Dunn E.* The Peasants of Central Russia. New York, 1967. P. 121; *Brine J., Perrie M., Sutton A.* (Hg.) Home, School and Leisure in the Soviet Union. London, 1980; *Lane Ch.* The Rites of Rulers. Ritual in Industrial Society — The Soviet Case. Cambridge, 1981.
[93] *Dunlop J.B.* The Faces of Russian Nationalism. Princeton, 1983. P. 97.
[94] *Glazov Yu.* The Russian Mind Since Stalin's Death. Dordrecht, 1985. P. 32.
[95] *Bukowski W.* Wind vor dem Eisgang. Berlin, 1981. S. 112; *Гидони А.* Солнце идет с запада. Книга воспоминаний. Toronto, 1980. С. 14; *Amalrik A.* Aufzeichnungen eines Revolutionärs. Berlin, 1983. S. 121; Brodsky J. Erinnerungen an Leningrad. München, 1987. S. 20.
[96] *Jelagin J.* Kunst und Künstler im Sowietstaat. Frankfurt am Main, 1951.
[97] *Beyrau D.* Intelligenz und Dissidens. Göttingen, 1993. S. 94.
[98] *Волкогонов Д.* И.В.Сталин. Триумф и трагедия. Т. 1—2. М., 1989. Т. 1. С. 270; *Segal B.M.* Op. cit. P. 104, 108, 111, 126.
[99] *Amalrik A.* Op. cit. P. 143; *Красин В.* Суд. New York, 1983. С. 104.
[100] *Заиграев Г.Г.* Указ. соч. С. 15, 20; Тенденции динамики основных структур... С. 109.
[101] *Сысенко В.А.* Указ. соч. С. 102.
[102] Алкоголизм: региональный аспект. С. 21, 29.
[103] *Machnowska H.* Extent and Effects of Alcoholism in People's Poland // Survey. 1980. Vol. 25. № 1. P. 56.
[104] *Segal B.M.* Op. cit. P. 231; *Лихачев Д.С.* Заметки о русском // Новый мир. 1980. № 3. С. 10—38.
[105] *Ерофеев В.* Москва—Петушки. Париж, 1978.

Содержание